

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИПИЛ
Бурятский институт общественных наук

**БУДДИЗМ
и литературно-
художественное
творчество
народов
Центральной Азии**

Ответственный редактор
д-р ист. наук Р.Е. Пубаев

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Буддизм и литературно-художественное творчество
народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука,
1985.

В сборнике рассматриваются вопросы адаптации древнеиндийской буддийской литературы в Тибете, исследуются литературные памятники Китая, Тибета, Монголии, а также произведения буддийского искусства, приводятся новые данные об истории создания коллекции буддийского искусства Эрмитажа.

Книга рассчитана на востоковедов, литературоведов, искусствоведов.

Рецензенты Б.Д. Бадараев, С.Ш. Чагдуров

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Б.С. Дугаров, Т.М. Маланова
(отв. секретарь)

Б $\frac{4603020000-826}{042(02)-85}$ 354-85-II

© Издательство "Наука", 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник включены статьи, написанные на основе анализа литературных произведений и памятников искусства Центральной Азии – тибетских, монгольских, бурятских. Известно, что без исследования оригинальных памятников, архивных документов трудно понять и оценить многие социально-культурные тенденции в развитии духовной культуры отдельных народов как в прошлом, так и в настоящем. Анализ первоисточников важен еще и потому, что буддийская культура уже почти два столетия привлекает широкое внимание в западном мире и порой становится объектом беззастенчивых идеологических спекуляций. Авторы статей на основе первоисточников определяют меру влияния буддизма на культурное наследие народов Центральной Азии, в чем и состоит актуальность изучения рассматриваемых явлений духовной жизни.

Сборник состоит из двух частей: литературоведческой и искусствоведческой. Общей его концепцией является мысль о том, что буддийское влияние в литературе и искусстве отдельных народов определяется в русле конкретных историко-культурных традиций и отличается национальным своеобразием. Вместе с тем это влияние проходит в каждом случае несколько стадий – от простой адаптации к творческому переосмыслению. Стадии эти во многом схожи у разных народов рассматриваемого региона, что дает благодатный фактический материал для последующих теоретических выводов и типологических построений.

Первые пять статей книги посвящены переводной буддийской литературе. В статье ленинградского тибетолога Б.И. Кузнецова переводные литературные памятники – "Гимны Будде", не сохранившиеся на языке оригинала – санскрите, предстают как источник для возможной реконструкции первоначальных идей ранней индийской Махаяны и, таким образом, тибетская переводная литература рассматривается как литературный источник по индийской культуре, чему частично посвящена и статья Л.Ж. Халоупковой.

Другой немаловажный аспект переводной литературы – это ее роль и место в культуре-восприимчиве, что анализируется на примере тибетской переводной (статьи Т.М. Малановой, Л.Ж. Халоупковой) и монгольской переводной литературы (статья Б.С. Дугарова).

В статье Т.М. Малановой, посвященной анализу тибетских пере-

водов и версий сборников санскритской поэзии дидактического содержания, показан процесс тибетизации переводной литературы от буквальных переводов к художественным переводам и переработкам. Автор выявляет историко-культурное значение этих сборников поэзии в Тибете, на основе чего Д.Б. Дашиев, исследуя этот жанр уже в собственно тибетской традиции XVIII–XIX вв., показывает наиболее характерную черту дидактической поэзии, которая была использована для популяризации мировоззрения главенствующей тибетской секты гелугпа.

В статье Б.С. Дугарова показан процесс адаптации стихотворений тибетского поэта-буддиста в монгольской поэтической традиции, когда "монгольская душа... выявляется в переложении, усвоении и уподоблении заимствованного чужого".

Л.Ж. Халопукова раскрывает значение литературы джатак в тибетской культуре. Автор показывает, что индийские джатаки не застыли в мумифицированном виде в Тибете, а послужили творческим импульсом для тибетских писателей, став иллюстрациями к основным догматам тибетской ветви буддизма.

Автор статьи "Монгольские песенники из фондов ЛО ИВ АН" И.В. Кульганек впервые вводит в научный оборот обширный комплекс сборников текстов песен, собранных на территории Монголии и Забайкалья русскими путешественниками и исследователями. Составляя в стороне всю ценность этих источников для монгольской культуры вообще, следует отметить, что их изучение важно для исследования религиозного синкретизма в народно-поэтической традиции XVIII–начала XX в.

В работах Л.Г. Скородумовой и Ц.-А. Дугар-Нимаева рассматривается влияние новых тенденций в средневековой по своей сути литературной традиции монголов и бурят. Л.Г. Скородумова выявляет черты индивидуализации героев в монгольской прозе, причем эти тенденции раскрываются автором на фоне стереотипных литературных приемов, свойственных монгольской и китайской литературе указанного периода.

Статья Б.Д. Баяртуева посвящена жизни и творчеству Р. Номтоева – бурятского ученого-просветителя, писателя и переводчика, посвятившего свою жизнь делу духовного раскрепощения своего народа, приобщения его к русской культуре. В статье Ц.-А. Дугар-Нимаева анализируются авторские подписи Р. Номтоева – важные источники для уточнения хронологии его трудов.

Китайской буддийской литературе посвящены две следующие статьи. Л.Е. Янгутов показывает, как на основе интересного композиционного приема китайский философ Фа Цзан раскрывает сложную догматику школы хуаянь. В статье совмещены философский и литературоведческий аспекты изучения трактата "Очерк о золотом льве". В статье, посвященной творчеству выдающегося поэта Бо Цзюйи, Г.Б. Дагданов выявляет удельный вес буддизма в творчестве танского поэта и показывает, как постепенно идеи буддизма начинают все больше отражаться в стихотворениях Бо Цзюйи.

Публикация Г.А. Леонова содержит анализ творческой биографии

русского ученого и коллекционера Э.Э. Ухтомского – создателя первой в мире научной коллекции памятников буддийского искусства. СобираТЕЛЬская деятельность исследователя показана на фоне его гуманистических взглядов, активного сотрудничества с представителями народов Востока. Автор вводит в оборот архивные данные, личную переписку Э.Э. Ухтомского. Эти материалы являются необходимым подспорьем для изучения истории собирательства памятников буддийского искусства в России.

Статья Ц.-Б. Бадмажапова посвящена искусствоведческому анализу одного из редких произведений бурятской деревянной культовой пластики. Она написана на основе литературных источников, архивных документов, относящихся к традиционному бурятскому искусству, и является попыткой искусствоведческого анализа восточной скульптуры.

Если предыдущая статья анализирует тенденцию выражения в наиболее обобщенном виде представлений о красоте и совершенстве человека сквозь призму буддийского мирозерцания, то А.И. Тугутов оттеняет новую грань в буддийском культовом искусстве XIX – начала XX в. На примере монгольской культовой живописи автор показывает, как появляются ростки нового реалистического видения образов, воплощаемых монгольскими художниками в портретах религиозных и светских феодалов старой Монголии. Таким образом, в этих статьях мы видим два интересных и противоречащих друг другу течения в буддийском искусстве монголов и бурят XIX – начала XX в. – движение к предельному обобщению образа, с одной стороны, и тенденцию к реалистическому отображению персонажей – с другой.

Таким образом, буддийское искусство представлено в сборнике как историей собирания коллекций, так и искусствоведческим анализом буддийской скульптуры, живописи и описанием практического опыта реконструкции образов культового искусства. Буддизм показан в развитии – и в хронологическом срезе, и в региональном. Статьи объединяет единство методов исследования – анализируемые явления культуры народов Центральной Азии рассмотрены в источниковедческом текстологическом плане на конкретно-историческом фоне.

И.В. Кульганек

ПЕСЕННИКИ ИЗ МОНГОЛЬСКОГО

РУКОПИСНОГО ФОНДА ЛО ИВ АН СССР

Известно, что песни и пляски монголов фиксировались уже первыми путешественниками в Монголию Плато Карпини [2], Марко Поло [3], Вильгельмом Рубруком [1]. В "Сокровенном сказании" также есть картина веселья по случаю возведения на престол Хутула-хана, сопровождавшаяся массовыми плясками [4, с. 85]. Надпись на бересте, датируемая XIII в., идентифицируется как песня-диалог матери и сына. Образец древней диалогической песни матери и дочери дан Ц. Дамдинсурэном [5].

Однако лирика в официальной средневековой литературе монголов занимала очень скромное место, а любовная лирика почти отсутствовала. В то же время народная лирическая песня широко бытовала среди простого аратства, не считаясь с буддийскими запретами.

Развитие жанра монгольской лирической песни, как нам представляется, шло двумя путями: как переосмысливание различных предшествующих песенно-поэтических жанров (магталов, сургалов, еролов, шаманских гимнов) и как их развитие и усложнение, в чем убеждает сравнительный анализ их художественных особенностей. Кроме того, рождались оригинальные жанровые формы.

Подобный исторический путь лирических песен объясняет многообразие тем, вызываемых эмоций лирических песен, высокий уровень их художественных особенностей.

В монгольском рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР имеется коллекция из 51 сборника монгольских песен (из них – 23 на монгольском и 28 – на ойратском языках). Они поступили в фонд в составе следующих коллекций:

Казанской духовной академии (D-125, D-126, D-127, D-31, D-137, E-86);

А.М. Позднеева (C-360, C-39, D-48, C-365, D-361, D-45, F-214, C-358, F-270);

К.Ф. Голстунского (F-67, D-38, C-74);

Таблица 1

Шифр	Всего песен	В том числе	
		религиозные	прочие
F - 214	12	5	7
F - 129	21	21	-
F - 260	19	19	-
F - 255	38	28	10
F - 177	13	7	6

Таблица 2

Шифр	Всего	В том числе	
		религиозные	прочие
D - 31	4	1	3
A - 11	4	1	3
B - 178	13	-	13
C - 358	14	5	9
F - 288	7	-	7

тическим делением ситуативно-ассоциативная классификация параллельна в плане совпадения определенного количества песен сходной (или одной) тематики с песнями, которые поются по определенному поводу, с другой стороны, она включает песни совершенно разных жанров ("богино дуу", "уртын-дуу", шуточные, печальные) и дает представление о характере бытования данной песни. Составители интуитивно исходили из диалектического понимания фольклора как активного творческого процесса, с непосредственным участием слушателей, из того, что фольклор является результатом непосредственного восприятия, что он может быть верно воспринят лишь в условиях живого контакта исполнителя и слушателя.

Ассоциативность является общим принципом как для составления сборников, так и для построения отдельной песни. В лирической песне нет ни развития действия, ни поступков персонажей, дается только сюжетная ситуация, возникшая в результате событий, которые в песне не показаны. Передача сюжета никак не исчерпывает художественного содержания: например, грустный молодой человек спешит по горам Хангая к своим старым родителям. Подобная передача не дает представления о поэтической сущности песни. Даже при совпадении сюжетов сюжетное ядро каждой песни окружено различным поэтическим материалом, который состоит из поэтических образов и микродействий (как мы их назвали). Они складываются в законченные картины, варьирующиеся в соответствии с ассоциативно-тематическими требованиями песни. Нами было зафиксировано в 5100 строках 1600 различных действий и состояний – ехать верхом вдоль скал,

ехать по горам, узнавать милую, узнавать мать, появляться подобно облакам, мчаться, сокращая расстояние: звенят копыта, мелодично поет кукушка, распускается цветок (причем количество действий и состояний распределяется примерно поровну). Микродействия поэтических образов создают картины, в основе их объединения в песню лежит ассоциативная связь. Они находятся во взаимопроникновении, являясь звеньями цепи, в результате чего песня получает как бы цепочное строение. Образ первой картины наталкивает на создание второй. Обычно строфа строится таким образом: первая и вторая строки выражают (как мы их называем) экспозиционные действия, третья и четвертая – ассоциативные действия. Причем первая и вторая строки последующей строфы будут являться экспозиционными по отношению к третьей и четвертой строкам той же строфы и ассоциативными второго порядка по отношению к первой и второй строкам предыдущей строфы. В то же время третья и четвертая строки первой строфы будут являться экспозиционными по отношению к третьей и четвертой строкам второй строфы. Например:

1 строфа: Молчит снежный Хангай.
След ведет вверх.
Седая матушка,
С тобой бы встретиться.

2 строфа: На тропеверху
Тень виднеется.
Полынно седой отец,
С тобой бы поздороваться.

Хангай вызывает ассоциации с образом матери. В то же время упоминание "Хангая" в первой строфе вызывает необходимость конкретизировать этот образ в последующей строфе. Что касается второй строфы, то образ тропы вызывает ассоциации с образом отца во второй строфе. Замечено, что действия и состояния, характеризующие природу, растительный и животный мир, чаще стоят в экспозиции к действиям и состояниям, характеризующим человека, что подтверждает наличие принципа цепочно-ассоциативной связи в основе композиции монгольских песен.

Подобная композиция является не только ключом к запоминанию последующих строк или унылым нанизыванием строк, а естественным, органичным, единственно возможным построением песни, которое коренится прежде всего в народной поэтической символике.

Нами выявлены символы печали, горя – это туман, твердость, разорванность, что находит подтверждение в этнографическом материале. Например, перед тем, как положить коня врага в могилу, его разрубали; считали также, что попасть в подземный мир можно лишь перерезав аркан или седло (там все соединится вновь). Иносказательное пожелание смерти: "Да пусть сломаются твои стремени". Символом радости является северная сторона, часто именно с северной стороны приходит любимая или ветер приносит приятную новость. Это также находит некоторое объяснение в народных представлениях.

Песня – живое синтетическое явление, существующее во всей своей полноте лишь в момент исполнения, однако мы располагаем лишь зафиксированными источниками и жизнь жанра можем наблюдать только по различным вариантам одной и той же песни. Таких песен нами найдено десять, т.е. 3,6%, что говорит, как нам представляется, о значительной распространенности этих песен и о большом репертуаре монгольского песенного фольклора вообще.

Встречается и контаминация одной песни с другими, что А.М. Позднеев называл так: “конец к одной песне прилеплен из другой”. Чаше это происходит на основе близости образов, сходства композиционных принципов и является не механическим соединением, а глубоко мотивированным и художественно оправданным. С точки зрения народного творчества песни остаются высоко художественными и целостными явлениями.

По форме сборники представляют чаще всего сброшюрованные листы или бумажными веревками листы, иногда имеют вид “боди” – “тома” и достаточно редко – гармошки. Наибольшее количество песенников написано на русской бумаге с рельефным знаком фабрик Сумкина или на линованной бумаге, встречаются песенники и на бумаге ручного производства, значительно реже – на тонкой китайской бумаге. За исключением нескольких заставок к началу и концу сборника, нескольких небрежно выполненных рисунков животных и одной таблицы, нет никаких художественных украшений, красочных миниатюр с изображением буддхистов и докшитов, которыми изобилуют религиозные сочинения; отсутствуют красные чернила (символически наиболее значимый цвет). Как правило, весь текст пишется чернилами одного цвета – чаще ореховыми или черными, реже фиолетовыми и карандашом. Правда, есть сборники, написанные чернилами разных цветов, но это происходит не в целях лучшего оформления, а по небрежности. Ни один сборник не имеет колофона. Отсюда можно сделать заключение, что оформлению сборников придавалось минимальное значение и они выполняли чисто утилитарную функцию.

№ 1

Шифр F-537 (инв. 1963 г., № 2135). Песни, собранные в 1835 г. Главным образом старинные “уртын дуу”, но также и несколько новых песен. Всего 141 песня. Рукопись, 57 л. (23,5 x 15,4 см); 15 строк, серая бумага, синие чернила, перо; нумерация и исправления фиолетовыми чернилами.

№ 2

Шифр F-225 (инв. 1963 г., № 1759). Песни, распеваемые на пиршествах в Серун-булаге на даче Дуйнхор-бандида-гэгэна в 1910 г. Всего 38 песен. Рукопись, 25 л. + 8 л. чистых (26,6 x 25 см); 14 строк, белая двойная бумага, черные чернила.

№ 3

Шифр F-129 (инв. 1962 г., № 1660). Без названия. Песни религиозного содержания. Всего 21 песня. Рукопись, 10 л. + 2 л. обложка (12,4 x 27 см); 8 строк, белая китайская тонкая бумага, черные чернила, перо.

№ 4

Шифр F-260 (инв. 1963 г., № 1815). Без названия. Песни главным образом религиозного содержания. Всего 19 песен. Рукопись, 15 л. + 1 л. обложка, сброшюрованные бумагой (25 x 25 см); 15 строк, белая тонкая китайская бумага, черные чернила, перо.

№ 5

Шифр C-358 (инв. 1962 г., № 792). Народные песни хоринских бурят-монголов (исторические, праздничные с пояснением по случаю исполнения). Всего 14 песен. Рукопись, 14 л. + 2 л. (17,2 x 2 см); 17 строк; белая бумага с рельефным знаком фабрики наследников Сумкина № 3, черные чернила, перо.

№ 6

Шифр B-178 (инв. 1961 г., № 256). Без названия. Главным образом лирические песни. Всего 13 песен. Рукопись, 17 л. (17 x 10,4 см); 14 строк; русская клетчатая бумага; ореховые, черные, фиолетовые, красные чернила; перо, карандаш.

№ 7

Шифр F-177 (инв. 1962 г., № 1710). Отрывки из сборников монгольских песен (религиозные и лирические). Всего 13 песен. Рукопись, 4 л. + 1 л. (25,5 x 25,5 см); 16 строк; белая тонкая двойная бумага, черные чернила, перо.

№ 8

Шифр F-214 (инв. 1962 г., № 1748). Различные песни, исполняемые на “надоме”. Всего 12 песен. Рукопись, 10 л. + 2 л. обложка (23,4 x 27,6 см); 13 строк; китайская бумага, черные чернила, перо.

№ 9

Шифр F-288 (инв. 1963 г., № 1843). Сценарий музыкально-поэтической композиции на политическую тему. Включает 3 песни. Рукопись, 6 л. (25,6 x 25 см); 16 строк; китайская бумага, черные чернила, перо, на л. 1-а запись на русском языке: “Современная новая песня на злобу дня”.

№ 10

Шифр D-126 (инв. 1961 г., № 1130). Без названия. Всего 6 песен (главным образом религиозного характера). Рукопись, 2 л. (21,6 x 17,2 см); 18 строк; белая бумага, черные чернила, перо.

№ 11

Шифр A-11 (инв. 1961 г., № 18). Без названия. Всего 4 лирические песни. Рукопись, 6 л. (13,2 x 10,1 см); 14 строк; белая двойная тонкая бумага, черные чернила, перо; на листе 6-6- таблица.

№ 12

Шифр D-31 (инв. 1962 г., № 1034). Без названия. Всего 4 песни (философские и лирические). Рукопись, 1 л. (22,2 x 14 см); 16 строк; голубая бумага, ореховые чернила, перо.

№ 13

Шифр С-11 (инв. 1961 г., № 425). Песнь по случаю проезда царского наследника по бурятским степям. Включает 2 песни. Рукопись, 10 л. (35,6х11 см); 20 строк, русская бумага с рельефным знаком фабрики наследников Сумкина № 7, черные чернила, перо, на л. 1-а – многократная надпись в русской и монгольской графике: "Вампилов" и "Vampilon".

№ 14

Шифр С-277 (инв. 1961 г., № 707). Без названия, включает лирическую песню и благопожелание. Рукопись, 2 л. разного формата; 1-й л. (35,5х11,2 см); 30 строк; русская бумага, фиолетовые чернила, перо; 2-й л. (51,9х12,5 см); 28 строк; оберточная бумага, карандаш, скоропись, те же песни.

№ 15

Шифр F-49 (инв. 1961 г., № 1579). Ревсомольский марш. Рукопись гармошкой 1 л. (32х24 см); 19 строк; китайская бумага, черные чернила, перо.

№ 16

Шифр F-57 (инв. 1962 г., № 1587). Без названия, включает одну песню, прославляющую нойонов. Рукопись, 1 л. (43х44 см); 2 ряда по 42 строки; китайская бумага, черные чернила, перо.

№ 17

Шифр В-210 (инв. 1961 г., № 292). Без названия, включает одну песню религиозного характера. Рукопись, 1 л. (17,5х22 см); 18 строк; русская линованная бумага, карандаш.

№ 18

Шифр В-208 (инв. 1961 г., № 290). Без названия, включает одну песню революционного характера. Рукопись, 1 л. гармошкой (27,6х23,7 см); 16 строк; китайская бумага, черные чернила, перо.

№ 19

Шифр С-275 (инв. 1961 г., № 705). Без названия, включает одну лирическую песню. Рукопись, 2 л. разного формата; 1-й л. (35,5х11,2 см); 32 строки; фиолетовые чернила; 2-й л. (43,6х12,9 см); 27 строк; оберточная бумага, карандаш, скоропись, та же песня.

№ 20

Шифр С-279 (инв. 1961 г., № 709). Без названия, включает одну лирическую песню. Рукопись, 2 л. разного формата; 1-й л. (35,4х11,2 см); 24 строки; русская желтая бумага, фиолетовые чернила; 2-й л. (52,2х12,8 см); 29 строк; оберточная серая бумага, химический карандаш, скоропись, та же песня.

№ 21

Шифр С-280 (инв. 1961 г., № 710). Без названия, включает одну лирическую песню. Рукопись, 2 л. разного формата; 1-й л. (21,5х14 см); 14 строк; русская линованная бумага, карандаш; 2-й л. (52,1х13 см); 15 строк; оберточная бумага, карандаш, та же песня, скоропись.

№ 22

Шифр Д-125 (инв. 1961 г., № 1129). Без названия, включает одну лирическую песню. Рукопись, 2 л. (15х10 см); 11 строк; белая бумага с филигранью, ореховые чернила, перо, на л. 16 – русский подстрочный перевод.

№ 23

Шифр С-278 (инв. 1962 г., № 708). Без названия, включает одну песню религиозного характера. Рукопись, 2 л. разного формата; 1-й л. (35,7х11,2 см); 27 строк; желтоватая русская бумага, фиолетовые чернила, перо; 2-й л. (52,4х13 см); 29 строк; серая оберточная бумага, фиолетовый карандаш, скоропись, та же песня.

Примечания

1. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Спб., 1911.
2. И. де Плано Карпини. История монголов. Спб., 1919.
3. Книги Марко Поло/Пер. И.П. Минаева. М., 1955.
4. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.
5. Damdinsürin Č. Monggol uran jokiral-un degeji jaγun bilig. Corpus scriptorum mongolorum. Ulaanbaatar, 1959.
6. Mostaert A. Textes oraux d'ordos. Peking, 1937.
7. Ринченсамбуу. Монгол ардын дууны торол зүйл. Улаанбаатар, 1959.
8. Хорлоо П. Монгол ардын дууны яруу найраг. Улаанбаатар, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Т.М. Маланова. Тибетские переводы древнеиндийской афористической поэзии	6
Д. Б. Дашиев. Традиции "нитишастр" в тибетской афористической литературе XVIII – XIX вв.	20
Л. Ж. Халоупкова. "Гирлянда джатак" Арьяшуры в Тибете	33
Б. И. Кузнецов. Об одном из ранних описаний буддизма	42
Б. С. Дугаров. "Намтар" Миларайбы и его монгольская версия	48
Л. Г. Скородумова. Элементы буддийского влияния и новаторство в трактовке женских образов бытовых романов В. Инжиннаша	57
И. В. Кульганек. Песенники из монгольского рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР	63
Б. Д. Баяртуев. Жизнь и творчество Ринчена Номтоева (1820–1907).	71
Ц. –А. Дугар-Нимаев. Центральнo-азиатский элемент в авторских подписях Р. Номтоева	78
Л. Е. Янгутон. Особенности изложения буддийских "истин" в трактате Фа Цзана "Очерк о золотом льве"	84
Г. Б. Дагданов. Буддизм в жизни и творчестве танского поэта Бо Цзюйи	89
Г. А. Леонов. Э. Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа	101
Ц. –Б. Бадмажапов. К интерпретации изображения божества из мандалы Кунрига	116
А. И. Тугутов. Реалистические мотивы в монгольской живописи начала XX в.	120

БУДДИЗМ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Утверждено к печати
Бурятским институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР.

Редактор издательства С.П. Мкртчян
Художник Н.А. Пискун
Технический редактор Л.Г. Филина
Корректоры Н.Н. Крохотина, В.В. Борисова

ИБ № 23809
Сдано в набор 29.10.84. Подписано к печати 19.03.85.
МН- 01014. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 8. Усл. кр.-отт. 8,3.
Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 14550 экз. Заказ № 413.
Цена 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука",
Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука".
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.